

Аргументы Недели. Челябинск → Общество

13+

Педофилия омерзительна и аморальна

4 апреля 2023, 12:58 Владимир ФИЛИЧКИН

Владимир Филичкин и Яраслава Слива

Эксперты уверены, что противоправных действий против несовершеннолетних совершается гораздо больше, чем известно правоохранителям и отражено в статистических данных их ведомств. Вполне очевидно, что многие дети просто не рассказывают родителям о мелких преступлениях, с которыми сталкиваются. При этом в России с 2010 года почти вдвое

выросло число сексуальных преступлений против детей. Такую информацию привело Минпросвещения РФ со ссылкой на Генпрокуратуру. О проблемах распространенности педофилии в редакции нашей газеты поговорили: профессор Российской академии естествознания Александр Власов, сексолог Яраслава Слива и журналист Владимир Филичкин, в прошлом судебный психиатр-эксперт межобластного отделения судебной экспертизы.

В.Ф.: Александр Юрьевич, есть мнение, что данные о распространенности педофилии несколько завышены. И, что сегодня в руках некоторых женщин обвинение в педофилии становится достаточно грозным оружием в отношении, так скажем, мужчин с не вполне доказанной виной.

А.В.: Да, подобная информация, судя по всему, получила достаточно широкое и не совсем здоровое распространение уже в социальных сетях. И фактически приняла рекомендательный характер о том, как ее использовать в арсенале борьбы с разными тяжелыми семейными проблемами, и о том, что ее можно использовать как неубиваемое оружие.

В.Ф.: То есть любой контакт отца даже со своим ребенком может быть ими использован против него.

Закон, что дышло?

А.В.: Да, совершенно верно. Существует несметное количество случаев, которые как по шаблону списаны друг с друга. Когда в ситуации развода родителей, особенно если это обременено какими-то меркантильными требованиями, интересами в части раздела имущества, получении каких-то материальных благ. И тогда в качестве оружия женщина начинает использовать такой вот коварный ход, как обвинение своего супруга или бывшего супруга в сексуальных посягательствах в отношении собственного ребенка. И надо сказать, что это оружие работает чрезвычайно эффективно. Потому что следствие, к сожалению, бездумно порой, с большим желанием и инициативой берется за расследование такого рода мифических и иллюзорных преступлений. И мужчин зачастую привлекают к уголовной ответственности на совершенно пустом месте, основываясь только на каких-то очень сумбурных и завуалированных показаниях ребенка, которые, по сути-то, внушены и не являются продуктом его собственного волеизъявления. И явно внушены именно окружающими его людьми.

В.Ф.: В данном случае мамкой.

А.В.: Я бы сказал, что в первую очередь мамкой...

В.Ф.: Вы здесь явно намекаете и на то, что уровень следствия, подготовка следователей, несовершенство нашего правового механизма этому благоприятствуют. Ну и само собой палочная система учета показателей

работы, демонстрирующая начальству насколько эффективно в данном регионе ведется борьба с таким злом, которое везде озвучено, как педофилия.

А.В.: Ну, честно говоря, никто же не отменял такого параметра эффективности работы следственных органов, как процент раскрываемости преступлений, и он нередко является доминирующим во всей работе следственных органов. И такие преступления, привлекающие к себе общественное внимание, с большим энтузиазмом расследуются.

В.Ф.: Особенно часто в отношении отцов, педагогов, тренеров, всех тех, кто с детьми общается.

А.В.: Всех людей, которые по роду своей деятельности имеют какие-то контакты с детьми в той или иной форме. Они почти автоматически попадают в ранг подозреваемых, если им такие предъявляются обвинения, и его почти невозможно оспорить.

В.Ф.: Плюс позор, то есть про заслуженного педагога или про детского тренера, если запустить подобную информацию в СМИ, в социальных сетях, что он подозревается в педофилии, то это крест на репутации.

А.В.: И общественное мнение, к сожалению, очень охотно поддерживает вот такого рода обвинения, именно в связи с популярностью вот этой темы.

В.Ф.: И выход есть какой-то?

А.В.: Выход состоит только в том, что к этому нужно подходить очень дифференцированно. С глубокой неприязнью общество должно относиться, собственно говоря, только к истинным проявлениям этого явления.

В.Ф.: А попробуй тут, при существующей тайне следствия, и дозировано выдаваемой населению информации, определить, что есть истинное, а что не истинное.

Александр Власов

Экспертиза – субъективное мнение?

Я.С.: Извините, но с точки зрения сексологии эти типы сегодня подвергаются экспертизе, то есть, ведь есть специальные методы оценки, когда человека реально можно просто исследовать.

В.Ф.: Что можно с человеком?

Я.С.: Исследовать направление его либидо. В принципе, это экспертиза.

В.Ф.: И кто проводит?

Я.С.: Различные учреждения.

В.Ф.: Нет, что за специалисты?

Я.С.: Психиатры и сексологи проводят эти исследования. И если говорить о раскрываемости преступлений, то преступление матери...

В.Ф.: Иногда бывает, что даже не оболгала, иногда бывает просто добросовестное заблуждение.

Я.С.: Ну да. Я считаю, что здесь вообще должна присутствовать очень глубокая экспертиза всех участников данного процесса.

А. В.: На самом деле это все непросто. Сейчас мы отдаем это на откуп неким абстрактным экспертам, каждый из которых воспринимает эту ситуацию сообразно собственной квалификации и собственному представлению о морально этических критериях, допустимости каких-то социальных ограничений. Никаких стандартов на самом деле в этой области не существует. И весь ужас проблемы состоит в том, что делегируют принятие решения конкретному эксперту в компетенции которого нет даже оснований подозревать его очень высокую квалификацию. Или скорее — полное отсутствие этой квалификации. Мы скатываемся к уровню абсолютного мракобесия, то есть какой-то эксперт с неизвестными представлениями о собственном понимании этой проблемы выносит решение, на основании которого суд в данном случае идет фактически полностью на поводу у его экспертного мнения.

И приходят к заключению, что да, действительно он наделен вот такими преступными наклонностями... Тогда как эти преступные наклонности являются просто каким-то криминалистическим фантомом, сформированным в понимании этого конкретного эксперта.

В.Ф.: Хорошо. А я скажу немного иначе, проще. Берет человек, именуемый экспертом, и оценивает субъективные особенности личности испытуемого через свое субъективное мировоззрение. То есть здесь субъективность в кубе получается. Знание, которое не проверишь объективно.

Также допустим, что в психологию зачастую приходят молодые люди с минимальным багажом знаний...

Я.С.: Ну подождите, ведь уровень задачи определяет уровень специалиста, который подбирается под эту задачу, и мы понимаем, что не может девочка после института быть экспертом в такой области.

В.Ф.: Кто сказал?

Я.С.: Ну не должна, давайте так.

В.Ф.: Работают.

Сайт с инструкциями...

А.В.: В этом как раз ключевая ошибка, может и не должна, на самом деле, с формальной точки зрения. Если человек наделен официальным статусом эксперта, допустим психолога, то правоохранительные органы и суд тоже относятся к этому с наивным доверием. Заведомо предполагая, что она должна обладать соответствующей квалификацией, что, к сожалению, не всегда соответствует действительности.

И это как бы на самом деле только прелюдия к другой проблеме, которую я бы хотел озвучить. Ведь исторические корни педофилии были всегда, это на самом деле не вновь возникшее явление. Но оно действительно приобрело новую окраску в нашем нынешнем существовании, именно в плане конкретного правоприменения по отношению к этим реальным или вымышленным педофилам. Я подозреваю, что где-то в дебрях интернета возможно уже существует какой-то сайт, касающийся инструкции, как инициировать предъявление обвинений в педофилии мужчинам.

В.Ф.: Невинным или виновным?

А.В.: Нет, в абсолютном большинстве случаев невинным. Но это является мощным оружием для реализации каких-то меркантильных потребностей женщин.

Я.С.: Дело в том господа, что при этом сегодня реально существует большая проблема очень активной сексуализации детей.

То есть сейчас дети знакомятся с порнографией зачастую уже в возрасте 7–9 лет. То есть это возраст такой латентного сексуального созревания, когда, казалось бы, им должно быть это неинтересно, с точки зрения их психологического развития, но тем не менее они получают эту взрывоопасную информацию.

В.Ф.: Я более того скажу, это очень интересный возраст, где-то лет до девяти, когда половой интерес, и интерес вообще ко всему запретному, начинает пробуждаться. А сдерживающие центры развиты еще недостаточно, то есть девочки в этом возрасте достаточно легко вовлекаются в группы по интересам.

Ярослава Слива: Вообще-то считается, что половой интерес после семи лет, сексуальная энергия блокируется — это латентный период, когда нет такой явной сексуализации у ребенка.

В.Ф.: Я только про интерес к запретному.

Я.С.: И при этом у него может появляться информирование, то есть он психически не готов, а информацию он уже получает.

В.Ф.: Получает, потому что ему это интересно.

Я.С.: Он даже не может знать, что ему это интересно, просто ему это показывают: старшие сверстники и так далее. То есть каким-то образом эта информация становится чрезмерно доступной.

И они воспринимают эту сексуальную сферу как некую игру, ну как компьютерные игры, которые есть у них. И у них — в их поле, в их мозгах появляется информация о том, что это существует, но это никак не привязано к уровню развитию их психики.

Ребенок должен быть подозрительным?

В.Ф.: Работая по раскрытию наиболее тяжких половых преступлений в сфере педофилии, мы в свое время пришли к выводу, что у малолетней девочки может начинаться пробуждаться некоторый интерес к этому, но мозги у нее, скажем так, еще недостаточно развиты, чтобы относиться к этому в полной мере критично. Вот я о чем. Постарше станет...

А.В.: То есть Вы имеете в виду, что ее очень легко можно склонить.

В.Ф.: Ну есть такая точка зрения. Работая по раскрытию убийства Кати Емельяновой в Челябинске, наша группа попутно раскрыла более сотни сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних.

Ну может не очень легко вовлечь, но в принципе можно, и педофилы этим пользуются. Если бы девочки от них шарахались как от огня, то, наверное, не было бы и педофилии как явления.

А.В.: Нет, в этом есть рациональное зерно. И как раз вот то, что я упомянул о криминопровоцирующем факторе, это имеет место, да.

В.Ф.: Виктимология — наука о провоцирующем поведении жертв преступлений.

А.В.: Да, по-другому это можно и так назвать. То есть убедить их и склонить к этому не составляет очень большого труда, потому что у них есть какая-то неосознанная потребность к необычным формам общения.

В.Ф.: Интерес, интерес пробуждается.

Я.С.: Несогласна с вами. В 8-9 лет у них нет еще интереса, у них нет понимания вообще существа вопроса и отсюда интереса. У них есть доверие к взрослым. То есть, если говорить о сексуальном воспитании, то вот этот момент некой настороженности со стороны детей к этим процессам, он должен быть.

Если раньше детям о сексе говорили в 12-13 лет, если вообще об этом говорили, то сейчас на самом деле уже начиная с 6-7 лет детям нужно внушать настороженность по поводу всех этих процессов и осведомлять их, информировать.

В.Ф.: Вспомнилось, как учит известный гуру по вопросам безопасности Влад Шлахтер: «...нас же с детства

приучали быть беспечными. Ребенок, как считают наши родители, воспитатели, школьные учителя, должен быть открытым, дружелюбным и доверчивым. Именно они и виноваты в том, что дети становились жертвами преступников! Я считаю, что ребенок должен быть подозрительным, недоверчивым и настороженным — вот качества, которые надо воспитывать с раннего детства.

Покопайтесь в прошлом, и обязательно всплывут эпизоды, доказывающие, что там, где есть место беспечности, начинаются беды».

Сработает ли правило «трусиков»?

Я.С.: Нужно учить тому, что есть приемлемые и нормальные нормы контакта. В том числе и телесного контакта, и контакта в социальных сетях. А есть элементарное правило «трусиков».

В.Ф.: Чего правило?

Я.С.: Правило «трусиков», есть такое понятие в сексуальном воспитании, когда ребенку с детства объясняют, к каким частям тела могут прикасаться только он сам, мама и врач условно, и что допустимо и что недопустимо. То есть отсутствие информирования детей в этой сфере и обучение детей границам того, что приемлемо и что допустимо, то есть когда детей вовремя не информируют — они становятся жертвами.

В.Ф.: А я все-таки считаю, что педофилы — это настолько хитрые существа, что они девочку заманят посмотреть на маленькую обезьянку, еще куда-нибудь, а в трусики полезут в самую последнюю очередь. Когда ребенок будет уже находиться в таком месте, где, как говорят, поздно пить кефир. Что Вы думаете по этому поводу профессор?

А.В.: Ну, может быть это слишком категорично сказано, но некий вообще разумный смысл в этом есть, общество претерпевает самые разнообразные неизбежные изменения и в технологической, и в психологической сфере, и вопрос, касающийся минимализации наивности, в этом смысле стоит достаточно остро.

В.Ф.: Но ребенок в любом случае наивен, и взрослый его легко может обмануть. То есть если ты к взрослому даже относишься плохо, но если ты с ним вступаешь в контакт, то он тебя может обмануть и завлечь. Я вот о чем.

А.В.: Необходимо находить видимо какой-то баланс между тотальным недоверием и разумным пониманием границ доверия.

В.Ф.: Слава, ну вот раньше такого не было, то есть дети были доверчивые, они были радостные, открытые, как-то со взрослыми нормально ладили и не было такой острой проблемы. А сейчас ведь действительно мамки учат своих детей, если дядя к тебе подходит, беги от него сразу подальше. Нет ли здесь какого-то перехлеста?

Я.С.: Поэтому сейчас дети должны быть осознаны с очень раннего возраста. Осознаны, информированы, и уметь различать возможные опасности. То есть к детям, для того чтобы они выживали и их психическое здоровье сохранялось, сейчас гораздо большие требования предъявляются, соответственно к родителям тоже.

В.Ф.: То есть Вы считаете, что сейчас все настолько страшно, что ребенку нужно жить как в осажденной крепости.

Я.С.: Нет, надо жить как в мире, который разнопланов, и нужно многое уметь различать.